

ЯГОДЫ

Памяти, восторгу и стыду
Прошлое летит в глаза половой.
«Вертолетик» крутится кленовый.
Спеет терен в Крюковом саду.

В парке школьном лист кленовый шит
Золотом... Но манит дикость сада.
Терен, что морозцем тронут, сладок,
Хоть и рвет рукав терновый шип.

Стынет шепот: «Ветку наклони...»
Я клоню, клоню, клоню, а после...
Смотрит юность девочкою взрослой —
Зябко ей! Ведь мы в саду одни.

Почему она опять молчит?
Неужели ничего не скажет?
Терен сладок, только губы вяжет,
И во рту потом всю жизнь горчит.

Порошит бывшее — до слезы,
Как ни щурься — встречу летит половой.
Выцвел, вымерз тот листок кленовый,
Но все так же ягоды сизы...

Угрюмством мучаю жену,
 А после — руки ей целую.
 Когда уснет... Я так живу:
 Срываюсь в ночь, костер зову —
 И мы гудим напропалую!

Вяжу крючки на перемет...
 Молчу, где вязы в кручу вмяло,
 Судьбы читая перевод
 На языке оригинала.

Но все равно — я не карась
 У безнадеги на кукане.
 Меня спасли уже не раз
 Исчезнувшие могикане.

Не раз висел на волоске —
 Слова к себе меня прижали.
 ...И щепкой на речном песке
 Черчу бессмертные скрижали.

И оклик детства: «Выйдешь, Сань?» —
 Я слышу, немотою мучась.
 Я так живу, как будто сам,
 Зажмурясь, вынул эту участь...

КОЛЬЦЕВАЯ

На жизнь хватало — рублевки мятой,
 И жизнь бурлила, а не стекала...
 Как газировка из автомата —
 С дымком сиропа на дне стакана!

На жизнь хватало — звонков трамвая,
 Колес и рельсов вечерней спевки...
 И кружки пива, где кольцевая, —
 За двадцать, вроде... и две копейки!

И с губ ронялись, помимо сора,
 Слова, что жили — лучась, кручинясь.
 И жизнь сходилась для разговора
 О том, что с нею, дурной, случилось.

И все, что лили в Кремлевском зале,
 Тут и паялось, тут и лудилось,
 И не делилась, не расползалась,
 Страна большая — в кружок сходилась.

...Все разобрали — страну и рельсы —
На лом, в карманы... Где кольцевая,
Сигналят в пробках «рено» и «мерсы»,
А я, сутулясь, все жду трамвая.

РОВЕСНИКУ

По правому делу Победы собрат,
Не встанут меж нами
Ни спасший страну Богородицы плат,
Ни красное знамя.

На почвах свинцовых была так редка
Победная поросль.
И воздух Победы — до дна, до глотка —
Мы пили — не порознь.

В былом нам главнее — не распря, не спор:
На щит свой сумели
Поднять мы Отчизны отвагу и скорбь
В отцовской шинели.

Лишь вместе мы — отчее слово, народ,
Взмах памяти острой —
И отблеск ее: «Коммунисты, вперед!»
И — «Братья и сестры!..»

И мы для иных, не пристрастных, времен
Запомнить сумеем:
И знаменем красным наш век осенен,
И крестным знаменьем.

РУССКАЯ СУДЬБА

Кому — батист и шелк,
Кому — сатин простой,
Кому — тот снег, что шел
Вчера — густой-густой!

И проблески небес
Сквозь годы — времена.
...И — каждому — отрез
Шинельного сукна...

ОСОКОРНИК

Ивану Щёлокову

Трудно жить равнинно — и обрывно
Жить не легче, не ясней, не проще...
Как светло — и слепо, и наивно —
Осокорник облака полощет!

И дрожит над кручею донскою,
Серебром — над этой жизнью мутной...
Трудно жить надеждой и тоскою
Без такой вот радости минутной.

* * *

Пока к большой воде несую
Бумажной радости кораблик,
Душа скитается в лесу,
Еще безлиственном, — как зяблик.

То примется порхать она,
То стихнет, вслушиваясь чутко...
Забыв, что ястребу видна
Зарей обрызганная грудка.

ГОСТЬ

Поэт всегда для родины —
Трюкач, трепач, юродивый!
Молвой, своею суженой,
Не раз до дыр утюженный:
Зря носит, ей радеючи,
В устах он — вздохи девичьи!
Облаянный собаками
За каждый вздох — не впрок.
И вызванный ребятами
За клуб — на пару строк...
Ребята тут сердитые,
Зато не бьют в живот!
Ну, а губа разбитая
До славы заживет.
Кого оно касается?
И вновь не по прямой,
И вновь, хоть опасается, —
Не сам идет домой!
Вдоль речки, огородами
Все провожает — родину.

НЕ ЧУЖОЕ

Николаю Алешкову

Делаю я многое неловко —
Там, где город водит хоровод.
Только деревенская сноровка
Все еще в руках моих живет!

Вот со сценой, скажем, напряженка:
Будто бы стою на сквозняке.
Ну, а топориче и ножовка —
Как влитые, точно по руке!

Прогоню щепу, ножовкой вжикну, —
И задумки внучкины сбылись!
Коля, как ты думаешь, привыкну
К людям выходить из-за кулис?

Как я тяжело стихи читаю...
Будто на уливе чернозем
Штыковой лопатой пластаю —
Чуть не полгектара за разóm!

А ведь говорю я — не чужое...
Но из детства — и через судьбу —
Все несут доярки ведра с жомом,
Тащат в ряднах силос на горбу.

А в щелястой кузне (через выгон —
Два шага) с утра и дотемна
Железяку жизни Васька Цыган
Правит, выцепляя из горна́.

Мне, как в той щелястой кузне, чадно:
Может, зря я пред людьми стою?
Может, слишком мелко и нарядно
То, что легким перышком кую?

Иль напрасно на себя серчаю?
...Как слова мне губы холодят!
Из далеких лет односельчане
В детские глаза мои глядят.

2

Что осталось? Лишь недуг да хворость.
Густо зеленевшие вчера,
Высохли слова мои, как хворост
Возле обмелевшего Хопра.

То, что было стежкой к бате, к маме,
То, что жизнь держало, как в плену,
Догорев, лишь сизыми углями
Ночью смотрит в очи на Дону.

Ночь. И перевоз не докричатся.
На болотах — выпи крик больной.
Но не хочет родина прощаться.
Остается родина со мной.

Мамин вздох: излуки да лиманы...
Полынок на батином следу.
...И опять на строчки жизнь ломаю —
И на угли сизые кладу.